

Бернгард Келлерман

Пляска смерти (фрагмент)

Книга первая

I

Вернувшись из длительного отпуска по болезни, Франк Фабиан, адвокат и синдик¹ города, о котором пойдет речь, сразу почувствовал резкую перемену в окружающей обстановке.

Скорый поезд, которым он приехал, опоздал на целый час. Фабиан добрался до дома лишь после полуночи. Он был приятно удивлен, что горничная Марта еще не ложилась и, заслышав его шаги на лестнице, поспешила открыть дверь. Сердечно пожав ей руку, он поблагодарил за то, что она дождалась его, и попросил принести красного вина к ужину. Ему хочется отпраздновать свое возвращение домой, с улыбкой пояснил он.

– Госпожа Фабиан, наверно, уже спит? – спросил он, снимая в передней макинтош. Он говорил вполголоса, чтобы не разбудить жену, даму очень нервную и страдавшую бессонницей.

– Да, барыня сегодня рано легла, – ответила Марта и пошла за вином.

Фабиан был в прекрасном настроении. Он радовался тому, что снова дома, и весело потирал руки, наслаждаясь теплом и уютом: с вокзала он ехал на извозчике и продрог. Даже особый запах, присущий всякому человеческому жилью, радовал его теперь. Он совсем отвык от этого запаха за четыре месяца своего отсутствия. Наконец-то он чувствует его опять!

Из передней Фабиан прошел в свой кабинет и зажег все лампы. Здесь ничто не изменилось: пестрые ряды книг, которыми он гордился, несколько картин и привычные безделушки. Наконец-то он дома! Больше всего на свете Фабиан ценил уют и спокойствие. На письменном столе стопкой лежали письма, он быстро пробежал глазами адреса отправителей на конвертах.

---

¹ Юрисконсульт, уполномоченный вести дела какого-нибудь учреждения или общины.

«И работа уже заждалась тебя», – мысленно проговорил Фабиан, направляясь в столовую, расположенную рядом с кабинетом. Он не мог жить без дела, и последние праздные недели отпуска превратились для него в мучение.

Стол был убран цветами и обильно уставлен соблазнительными яствами. Холодное жаркое и разрезанная на куски жареная курица в искусном обрамлении гарнира лежали на большом блюде, вокруг которого теснились мисочки и тарелочки с разнообразными салатами и закусками. Фабиан любил вкусно поесть; проголодавшись с дороги, он немедленно с аппетитом приступил к ужину.

– Ну, что нового у нас в городе, Марта? – кладя себе на тарелку кусок жареной курицы, спросил он горничную, принесшую вино. И спросил в сущности только для того, чтобы оказать внимание Марте, которая дожидалась его до столь позднего часа.

Марта, уже собравшаяся было уходить, вернулась; улыбка появилась на сонном старом лице преданной служанки.

– Теперь что ни день, то новость... – сказала она и запнулась. – Вы, господин доктор, наверное, уже слышали, что бургомистру Крюгеру пришлось выйти в отставку.

Фабиан вздрогнул, как от удара, и, раскрыв рот, взглянул на Марту; вилка застыла у него в руке.

– Что вы сказали, Марта? – недоверчиво переспросил он. – Кому пришлось выйти в отставку? Доктору Крюгеру?

– Да, доктору Крюгеру сразу же пришлось выйти в отставку, – повторила Марта. – В городе только и разговоров, что об этом.

Фабиан долго не мог вымолвить ни слова. Он опустил на тарелку вилку с куском жареной курицы. Усталость внезапно охватила его, прекрасного настроения как не бывало.

Доктор Крюгер, бургомистр, был другом и однокашником Фабиана. Крюгер пользовался всеобщим уважением и любовью. Это был очень дельный, жизнерадостный человек, и к Фабиану он особенно благоволил. Работать с ним было истинным наслаждением.

– Скажите же, ради всего святого, – проговорил, наконец, Фабиан, – почему Крюгер должен был выйти в отставку? Что случилось?

Марта пожала плечами и опустила глаза.

– Говорят, потому, что он был социал-демократом.

Фабиан сердито засмеялся.

– Крюгер принадлежал к партии центра и никогда не был социал-демократом, – произнес он несколько громче, чем ему хотелось.

– Говорят, он водился с социал-демократами, – пояснила горничная.

Фабиан снова рассмеялся.

– Ну, а кто же у нас теперь вместо него?

– Какой-то господин Таубенхауз.

– Таубенхауз? – в недоумении переспросил Фабиан. – Откуда он взялся?

Марта пожала плечами и направилась к двери. Она понятия не имеет.

– Говорят, был чиновником в каком-то городке в Померании.

– В Померании?

– Так говорят. Да, и еще ходят слухи, будто скоро закроют монастырь капуцинов.

Фабиан опять рассмеялся, но как-то хмуро.

– Это уж сказки, Марта, – недоверчиво заметил он. – При чем тут капуцины?

Марта открыла дверь, так как послышался звонок в коридоре.

– Сейчас чего только не болтают, – ответила она, пожимая плечами. Потом поспешно добавила: – Барыня звонит, – и выбежала из комнаты.

– Передайте сердечный привет моей жене, Марта! – крикнул ей вслед Фабиан. – Завтра утром я зайду к ней поздороваться.

В семейной жизни Фабиана давно произошел разлад. Супруги разошлись, но в глазах общества их отношения оставались дружескими.

После ухода Марты Фабиан долго в недоумении качал головой. Потом он налил себе стакан вина и снова принялся за курицу.

«Крюгер вынужден был выйти в отставку, – бормотал он про себя. После курицы он взялся за холодное жаркое. Положив себе на тарелку салат из помидоров, он опять проговорил качая головой: –

Ему пришлось уйти. Бедный Тео! – На лице Фабиана выразилось сожаление. – Жаль его, хороший человек! Уверен, что в январе он обязательно прибавил бы мне жалованья».

Фабиан съел компот и отодвинул тарелки.

«У капуцинов тоже что-то неладно? Безумие, безумие! Просто уму непостижимо!»

Усталость прошла, он снова был бодр и свеж. Ну и дела творятся в священной германской империи! Ну и дела! Крюгеру дали отставку! Монастырь капуцинов вот-вот закроют, – да тут сам черт ногу сломит.

Он взял графин с красным вином и стакан и вернулся в свой кабинет, чтобы там, после долгого отсутствия, еще часок насладиться тишиной у себя дома. Взгляд его рассеянно скользнул по пестрым корешкам книг, по стопке писем и газет на письменном столе, но он уже не мог собраться с мыслями: покой был нарушен. Все время его преследовала мысль, что в священной германской империи творятся непонятные и странные дела.

Наконец, он взял сигару и опустился в удобное кресло. Он сидел, вытянув ноги, с незажженной сигарой в руке и думал.

Да, они давно уже появились в городе. В коричневых рубашках, с портупелями, в высоких кавалерийских сапогах, как будто только что сошедшие с боевых коней, не то ландскнехты, не то ковбои. Но, что бы там ви говорили, выглядели они хорошо: сильные, мужественные, полные энергии, порою дерзкие. В общем они держали себя пристойно, иногда, правда, грубовато и несколько вызывающе, но в городе к ним уже привыкли. Сначала их было немного, и люди оглядывались на них. Постепенно их становилось все больше и больше, но и это стало обычным. Они привлекали к себе внимание, только когда появлялись на улице целыми толпами, громыхая кружками для сбора пожертвований, и те, кому тяжело доставались трудовые гроши, старались обходить их. Сам Фабиан всегда имел наготове мелочь, чтобы никто не подумал, будто он намеренно держится в стороне. Да это и было бы ни к чему.

Вот и сегодня он снова встретил их в поезде. Они заняли два столика в вагон-ресторане и вели себя шумно и заносчиво. Это были почти сплошь молодые люди, видимо, возвращавшиеся с

какого-то сборища, вдохнувшего в них новую энергию. Иногда они кричали что-то, обращаясь друг к другу, и взгляды их вызывающе и нагло скользили по остальным пассажирам. Без сомнения, за четыре месяца, которые он провел в отпуску, их самонадеянность сильно возросла, а властолюбивые помыслы непомерно окрепли. Казалось, они вдруг стали силой в стране. Или ему это только померещилось?

Фабиан встал и сделал несколько шагов по комнате. «Или мне это только померещилось?» – снова спросил он себя. Потом опять бросился в кресло и погрузился в размышления.

Ну, хорошо, сначала им были не по нраву социалистические партии, потом буржуазные, вплоть до консерваторов, но и этого мало. Церковь стала им поперек дороги, мешая их властолюбию. Даже здесь в городе они затеяли войну с безобидными капуцинами, которые и мухи не обидят. Нет сомнения, что за эти четыре месяца влияние национал-социалистской партии стало захватывать все более широкие круги, она явно окрепла и упрочилась. Это бесспорно! А он полагал, что пройдет год – другой и она сойдет со сцены, как это случалось с другими партиями до нее. Фабиан беззвучно рассмеялся. Какое заблуждение! Какое невероятное заблуждение! «Слава богу, – подумал он, – не я один поддался этому заблуждению, а многие и поумнее меня. Слава богу!»

Мысли его стали мешаться, усталость опять взяла свое, у него едва хватило сил подняться с кресла.

«Уже поздно, пора спать! – подумал он. – Не успел я вернуться домой, и меня вновь терзают те же тревожные мысли. Ну, хорошо, завтра во всем разберусь. Завтра взгляну на все трезвыми, спокойными глазами. Завтра, завтра! Ведь завтра наступит совсем новый день». Фабиан зевнул; он ужасно устал.

Он выключил верхний свет. Завтра предстоит встреча с Клотильдой. Только теперь он вспомнил о жене и злосчастном раздоре, грозившем разрушить его семью. За эти четыре месяца Клотильда уже несомненно все обдумала. Времени у нее было более, чем достаточно. «Посмотрим, завтра все выяснится... Но если, – он с трудом сосредоточивался на какой-нибудь мысли, – если она и теперь будет настаивать на разводе? Что тогда?»

Он попробовал разобраться в своих чувствах. «Как странно, – размышлял он, – что я могу теперь спокойно все обдумывать; ведь в санатории я ночи напролет не спал из-за этих мыслей. В конце концов я и заболел-то из-за этой истории». Пошатываясь от усталости, он на минуту задержался у письменного стола. «Но если она и после этих четырех месяцев все-таки будет настаивать на разводе, – продолжал он раздумывать, – если, невзирая на двух сыновей, будет во что бы то ни стало его добиваться, ну что ж, тогда она его получит!»

Он сдвинул брови, сам удивляясь своей решимости.

Значит, желание Клотильды для него все еще закон.

Слишком утомленный, чтобы почувствовать горечь или вообще что-либо почувствовать, он направился в свою спальню.

II

На следующее утро Фабиан проснулся успокоенный и полный свежих сил. Он стал одеваться с особой тщательностью, внимательно разглядывая себя в зеркало. Фабиан был доволен собой. Лечение сделало его совсем другим человеком. Так как было уже около десяти, он торопливо позавтракал, по обыкновению один в столовой. Отпуск его кончался завтра, но он уже сегодня решил заглянуть на часок в свою контору. И вообще в этот первый день после долгого отсутствия – дел выше головы.

Приблизившись к комнате жены, он услышал веселую болтовню и смех: у Клотильды были гости. Для первой встречи весьма кстати, так как Клотильда при посторонних обходилась с мужем любезнее, чем наедине, когда она вымещала на нем свое дурное настроение.

– Кто там? – спросил он Марту, выглянувшую из кухни на звук его шагов.

– Только что приехала баронесса фон Тюнен, – ответила та.

Он вошел. Клотильда протянула ему руку для поцелуя; сцена приветствия была разыграна так, чтобы никто не мог усомниться, что супруги уже виделись накануне.

Клотильда была в новом эффектном утреннем туалете и в кокетливых туфельках из красного лака, подчеркивавших изящество ее ножек. За последние месяцы она заметно пополнила, и

грудь ее в свободном утреннем платье казалась слишком пышной. Белокурые волосы были собраны в завитой роскошный кок, оттенявший мерцающую голубизну ее глаз. Обольстительные глаза-незабудки, некогда вдохновлявшие его на лирические излияния. Но это было так давно!

Сидевшая напротив нее баронесса фон Тюнен радостно оживилась при виде Фабиана.

Баронесса, олицетворение свежести и жизнерадостности, полулежала в кресле, одетая в безукоризненно облегающее ее строгое серое платье; на ее чуть тронутых сединой волосах красовалась кокетливая шляпка с перьями синевато-стального отлива. Эта крохотная кокетливая шляпка и была причиной ее раннего визита к подруге. Баронессе было под пятьдесят, но она выглядела очень молодо; глядя на нее, никто бы не поверил, что у нее уже взрослый сын, обер-лейтенант, выше ее на целую голову.

– Ты выпьешь чашку чая, Франк, и немного посидишь с нами, – распорядилась Клотильда и, не дожидаясь согласия Фабиана, позвонила горничной. – Баронесса фон Тюнен была так мила, что заглянула ко мне на минутку.

– А я и не подозревала, дорогой друг, что как раз сегодня кончается ваш отпуск, – оживленно воскликнула фрау фон Тюнен и улыбнулась слегка деланной улыбкой, которой обычно улыбалась, разговаривая с мужчинами.

– Мне очень приятно, баронесса, что вы первая, кого я встретил по возвращении, – с присущей ему учтивостью отвечал Фабиан.

Ему сразу же бросилось в глаза, что за время его отпуска Клотильда сменила обои в первой комнате, которую она называла своим будуаром. Она выбрала те, о которых давно мечтала, светло-золотистые, с крупными хризантемами. Большие желтовато-розовые цветы, хотя и несколько вычурные, прекрасно гармонировали с ее утренним кимоно, с низкими креслами, стоявшими в комнате, и с желтым индийским ковриком, перешедшим к ней от покойной матери.

За приподнятой бархатной портьерой цвета земляники виднелась раскрытая дверь в ее спальню, откуда доносился слабый аромат духов и эссенций.

– Не забудь поздравить баронессу, – начала Клотильда с любезной улыбкой, способной ввести в заблуждение кого угодно, только не Фабиана. – Господину полковнику фон Тюену присвоено звание штандартенфюрера.²

Фабиан поклонился.

– Примите мои искренние поздравления, баронесса! – воскликнул он, но в голосе его прозвучало легкое разочарование. Он полагал, что полковник будет произведен по меньшей мере в генералы. Ведь господин полковник фон Тюен давно уже намеревался целиком посвятить себя делу национал-социалистской партии.

Баронесса энергично кивнула головой, и перья на ее шляпке заиграли различными оттенками.

– Да, да, – воскликнула она, и в глазах ее отразился восторг. – Он ведь с самого начала сторонник этого движения и давно добивался должности, достойной его звания полковника. Конечно, он не стал отказываться. «Я должен быть активным участником, – заявил он. – Как патриот и офицер, я считаю своим долгом целиком отдать себя новому движению. Если бы Ней и Мюрат раздумывали до той поры, пока Наполеон не был провозглашен императором, они бы не сделались маршалами и королями, а остались простыми капралами». – Баронесса залилась звонким и очень молодым смехом.

– Вы не можете себе представить, – продолжала она, – как счастлив полковник. Теперь он по крайней мере при деле. Ведь офицеры в отставке очень, очень быстро превращаются в стариков. Честное слово, полковник помолодел на двадцать лет!

Фабиан еще раз выразил свою радость. Полковник фон Тюен был офицер старого прусского склада, и он восхищался его прямоотой и откровенностью. Полковник не таил своих монархических взглядов, агрессивных настроений, отрицательного отношения к республике. Во время мировой войны он храбро командовал полком, и его имя не раз упоминалось в армейских сводках. Тяжелое ранение положило конец его карьере.

---

² Офицерское звание в войсках СС и штурмовых отрядах, соответствовавшее чину полковника.

Баронесса продолжала с горячностью:

– Полковник заразил своим воодушевлением и нашего сына Вольфа, который до сих пор ни о чем, кроме забав, не думал. Он с утра до ночи твердил ему, что если немец в наше время не сумеет выдвинуться, значит, он либо осел, либо безродный проходимец. «Для Германии пробил великий час», – уверяет он. И правда, мы ведь живем в прекрасное время, в удивительное, великое время. Не так ли?

– Меня очень удивляет, дорогой друг, – с обольстительной улыбкой обратилась она к Фабиану, – что вы, именно вы, до сих пор не сделали окончательного выбора. – Она покачала головой, и в светлых глазах ее отразилось нескрываемое удивление.

Фабиан смутился. По-видимому, Клотильда поделилась с баронессой своими сокровенными мечтами, и дамы в его отсутствие уже не раз беседовали о том, что служило теперь предметом оживленных споров по всей стране.

В отпуску у него было довольно времени, чтобы обдумать все эти вопросы, но сообщать свое решение Клотильде он считал преждевременным.

Фабиан откинулся в кресле и сложил руки, как для молитвы, что он обычно делал, когда собирался произнести обстоятельную речь.

– Ваше желание совпадает с желанием Клотильды, баронесса, – начал он, улыбаясь. – Этот же вопрос часто и столь же нетерпеливо задавала мне Клотильда.

– Меня бы очень удивило, если бы она этого не делала, – засмеялась баронесса и взяла своими холеными пальцами сигарету.

– Боюсь, что Франку не хватает нужной гибкости, баронесса, – вставила Клотильда.

– Гибкости! – Баронесса от восторга даже подскочила в кресле. – Вот слово нашего времени! Гибкость! В наши дни неуклюжая прямолинейность – порок, преступление, непростительное преступление!

Клотильда явно решила разыграть сегодня роль нежной супруги. Она даже улыбалась Фабиану, хотя он сомневался в искренности ее улыбок.

– Мне кажется, что Франку не удастся преодолеть до конца свои симпатии к прежним политическим партиям, – сказала она.

Фабиан рассмеялся и стал уверять, что не связан тесными узами с какими-либо политическими партиями. Несколько лет он так же, как и баронесса, – о чем он только сейчас узнал, – был близок по своим взглядам к немецкой национальной партии. Позднее его симпатии обратились к партии центра, что вполне естественно, так как он католик. Но все это было несерьезно.

– Я не раз говорил Клотильде, – продолжал он, – что поспешность не в моем характере и что у меня были причины ждать, пока...

– Ждать? Ждать! – перебила его баронесса, смеясь так звонко, что это было уже почти невежливо. Ее смех звучал, как смех молодой девушки. Клотильда вторила ей.

Баронесса фон Тюнен, склонясь, дотронулась до руки Фабиана.

– Дорогой друг, – проговорила она с дружеским упреком, – можно ли еще колебаться? Вы знаете, что изо дня в день твердит полковник? Он говорит, что в Германии родился гений, но немцы никогда не умели распознавать гения, и многие из наших соотечественников все еще не могут отделаться от этого наследственного порока. – Она по-прежнему улыбалась, глядя на Фабиана, но теперь к ее улыбке примешивалось снисходительное сожаление. – И этот наследственный порок, друг мой, – трагическая причина того, что Германия до сих пор не заняла в мире подобающего ей положения.

Фабиан покраснел.

– Простите, баронесса, – произнес он, слегка отодвигая руку и все еще красный от смущения. Он вновь откинулся в кресле и начал многословно пояснять, что считает затронутый вопрос слишком серьезным и значительным – от него нельзя отделаться общими фразами. Он лично хотел выждать, покуда развитие событий не поможет ему разобраться в положении вещей. Разве не долг каждого человека – проверять свои убеждения? Не то его еще заподозрят в приспособленчестве, как уже заподозрили многих других. Разве это не так?

Обе дамы утвердительно кивнули. Он безусловно прав! Всем своим видом они давали понять, что готовы его слушать. Фрау фон Тюнен сосредоточенно разглядывала сверкающие камни своих колец, любуясь их переливами на свету. Клотильда закурила сигарету и, вытянув губы, стала пускать струйки дыма, искоса поглядывая на Фабиана.

– Кроме того, – закончил Фабиан, к которому мало-помалу вернулось его обычное спокойствие, – мое положение требовало от меня тщательно продуманных решений. Я офицер и католик!

Он замолчал, видимо, выложив все свои козыри.

III

Фрау фон Тюнен продолжала любоваться своими кольцами, потом оставила их в покое и, вскинув на Фабиана небольшие быстрые глаза, заметила:

– Я вас вполне понимаю. В нашем роду, кстати сказать, протестантском, тоже было немало офицеров и крупных чиновников. Мой двоюродный дед, Бергенштрем, был советником консистории и знаменитым проповедником. Он оставил много известных трудов. Вы никогда о нем не слыхали?

Фабиану пришлось сознаться, что он не слыхал о знаменитом проповеднике Бергенштреме.

Баронесса снисходительно улыбнулась.

– У нас в крови уважение к любому вероисповеданию, – заметила она, – впрочем, это само собой разумеется. Я только не пойму, что вы усмотрели антикатолического в новом движении? – Она все время говорила «движение» и ни разу не произнесла слова «партия».

Фабиан задумался. Исчерпывающе и тактично ответить на этот вопрос было очень не легко.

– Мне показалось, – произнес он, помедлив, – что ему чуждо положительное христианское начало.

Фрау фон Тюнен снова расцвела любезной улыбкой. Она взяла сигарету из чаши, стоявшей на столе.

– А решительное антикоммунистическое направление, разве это само по себе уже не христианское начало? – спросила она. – Для меня, как и для многих других, коммунизм есть прямое

отрицание христианства. – Она торжествующе улыбнулась и зажгла сигарету.

Фабиан хотел было возразить, но баронесса подняла свою маленькую унизанную кольцами руку и выпустила в воздух легкое облако дыма. Она покачала головой, голубые перышки на ее шляпке опять заиграли всеми оттенками, и сказала:

– Друг мой, не думаю, чтобы ваш католицизм был достаточно веским аргументом. Нет, нет и нет! Ну может ли политическая партия пробить себе дорогу епископским жезлом! Как вы полагаете?

Обе дамы засмеялись.

Клотильда пожалала плечами. С улыбкой, но бросив холодный взгляд на своего супруга, она заметила:

– Говоря по правде, Франк не такой уж ревностный католик. Он редко бывает в церкви и никогда не исповедуется. В глубине души он очень равнодушен к католицизму. – Она опять рассмеялась своим несколько деланным смехом. Чувствуя поддержку, Клотильда, как и многие женщины, смело нападала на мужа, а иногда даже как бы стремилась разоблачить его.

– Но позволь, Клотильда, – учтиво возразил Фабиан, – разве нельзя быть религиозным и не соблюдать обрядов?

Баронесса утвердительно кивнула.

– Разумеется, – подтвердила она, – тем не менее я считаю ваши доводы несостоятельными. Мой муж, как вы знаете, кадровый полковник. А вы, мой друг, если не ошибаюсь, капитан запаса?

Фабиан невольно приосанился, когда баронесса упомянула о его воинском звании. Он был ретивым солдатом и во время мировой войны получил немало наград.

– Позиция армии, – ответил он, – долго оставалась неясной, баронесса. Я неоднократно запрашивал командира полка, не зная, как мне себя вести. И он всякий раз советовал мне выждать.

Баронесса перебила его. Очаровательно улыбаясь, с сияющими глазами она сказала:

– Ваш командир полка, по-видимому, был не в курсе событий или еще не отрешился от прежнего кастового духа! Вы посмотрите хотя бы на моего мужа и на многих других представителей высшего офицерства. Нет, мой дорогой, кастовые перегородки,

слава богу, рухнули. И рушатся ежедневно одна за другой. Когда я думаю о том, что было прежде, меня охватывает ужас! На свадьбе моей племянницы, много лет назад вышедшей замуж за некоего графа Штумма, присутствовала княгиня Грейльсхейм, которую все именовали «ваше сиятельство». С ней носились, точно с королевой, настоящей королевой! Меня она, можете себе представить, вообще не замечала! Точно я воздух! А ведь наш род не менее знатен, чем ее, а может быть, и познатнее.

Баронесса еще и сейчас смеялась при этом воспоминании.

– Нет, нет, – горячо продолжала она, – этого смехотворного кастового духа, слава богу, больше не существует. Сдается, мы приближаемся к тому самому Egalité,³ о котором когда-то мечтали французы. Но полковник, мой муж, утверждает, что именно новому движению мы обязаны тем, что коммунисты еще не зажгли крыши над нашими головами.

– И не перерезали нам глотки, – убежденно добавила Клотильда.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонементов по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
  - в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.
- Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.

---

³ Равенство (франц.).